

В горах не замечаешь, как тянутся годы, а между тем конец года уже был совсем близко.

Сегодня, закончив торговлю, Лю Гуюй отправился на мясной рынок и купил много мяса и рёбер: думал вернуться домой и сделать вяленые заготовки. Свиная заполнила целую заплечную корзину и была очень тяжёлой. Мясо он купил у Сун Цинфэна. Они не то чтобы были близко знакомы, но после истории с Ло Цинчжу между ними всё же завязалась некоторая приязнь. К тому же Лю Гуюй покупал много, так что вышло заметно дешевле.

Характер у него был открытый и беспечный, и сознания, что гэру следует избегать лишней близости с женщиной, у него не было. Одной рукой он отдал деньги, другой сунул Сун Цинфэну два гуокуя, завернутых в промасленную бумагу, и радостно сказал:

— Мясник Сун, это тётушка Линь попросила передать тебе. Она сказала, что в эти дни за мясным прилавком слишком много дел, боится, что вечером у тебя не будет времени поесть, так что перекуси двумя лепёшками, наполни чем-нибудь желудок.

Новый год приближался, многие семьи готовили вяленое мясо, и торговля на мясном рынке стала куда оживлённее. Цинь Жунши рядом уже взвалил на спину корзину, набитую мясом. Он оглянулся на Лю Гуюя и сказал:

— Пошли. Тётушка ждёт за городом.

Лю Гуюй ещё не успел ответить, как Сун Цинфэн, услышав это, поспешно взял две лепёшки и сказал:

— Спасибо! Вы скорее идите, не заставляйте тётушку ждать.

Лю Гуюй кивнул, повернулся и побежал догонять Цинь Жунши, который уже успел сделать два шага.

Когда они вышли за городские ворота, то и правда увидели знакомую ослиную повозку, стоявшую у обочины. Осёл, склонив шею, щипал придорожную траву, высоко выпятив губы.

— Пришли! Скорее садитесь, домой поедем!

Линь Синь-нян окликнула их, велела садиться и погнала осла обратно в деревню.

Погода становилась всё холоднее. Лю Гуюй и Цинь Жунши уже надели новые ватные куртки и штаны, но ветер всё равно прорывался внутрь и болезненно хлестал по щекам. Колёса ослиной повозки катились с глухим грохотом. Осёл был в расцвете сил: ноги короткие и крепкие, копыта твёрдые, силы много. Но дощатая тележка, привязанная к его спине, уже была старая, колёса ветхие и всё время скрипели: «и-га, и-га». В щели между колёс набились грязь и сухая трава, и после каждого пары оборотов оттуда вытряхивались сухие веточки и ломкие листья,

осыпаясь по дороге.

Несколько человек сидели в повозке и под этот скрип вернулись в деревню. Деревня, окутанная серым холодным туманом, постепенно показалась перед глазами. Как раз подошло время трапезы, и из труб каждого дома уже поднимался дым.

— Мой брат уже приготовил еду!

Майэр тихо воскликнула и радостно указала на их двор неподалёку. Прежде Линь Синь-нян и Ло Майэр жили вдвоём. Когда мать с дочерью возвращались домой, уже темнело; дома никого не было, очаг стоял холодный, котёл - пустой. Приходилось возвращаться, разводить огонь и готовить, и к тому времени, когда они наконец могли съесть что-то горячее, луна и звёзды уже висели в небе.

Теперь Ло Цинчжу развёлся и, конечно, жил дома. Мать с дочерью торговали в городе гуокуй, а он дома прибирался, занимался хозяйством и, рассчитывая время, готовил еду, чтобы к возвращению у матери и младшей сестры было что съесть горячего.

У ворот дома они попрощались и разошлись каждый к себе. Лю Гуюй и Цинь Жунши вошли во двор и сразу увидели, что Цуй Ланьфан вместе с Баньбань наводят порядок. Это была не простая уборка и не обычное подметание, а полная чистка всего дома внутри и снаружи: пол, стены, балки, двор, каждый угол. Это называлось «да яньчунь» - большая предновогодняя уборка, чтобы встретить Новый год.

Дело было огромное и очень утомительное.

Едва Цинь Жунши вошёл, как нахмурился и сказал Цуй Ланьфан:

— Мама, разве мы не договорились, что этим займёмся, когда я вернусь?

Здоровье Цуй Ланьфан стало гораздо лучше, на лице появился здоровый цвет, сама она немного поправилась и даже выглядела моложе. Но Цинь Жунши всё ещё помнил слова врача: ей нельзя уставать и нельзя браться за тяжёлую работу.

Цуй Ланьфан отложила бамбуковую метлу, зачерпнула воды и стала мыть руки, а заодно ответила:

— Не устала. Своё тело я сама знаю. Мы с Баньбань только немного пыль смели да паутину со стен убрали. Остальное ждёт, пока ты вернёшься.

Она говорила не пустые слова. Семья потратила столько денег на её лечение, и Цуй Ланьфан, конечно, понимала: надо беречь себя, нельзя позволить всем этим серебряным тратам уйти в воду. Она лишь вместе с Баньбань понемногу прибралась: поработает немного, потом отдохнёт,

и по-настоящему утомлять себя не смела.

Как только она договорила, Цинь Баньбань рядом тоже тяжело кивнула и, глядя на брата и Лю Гуюя, серьёзно сказала:

— Я следила за мамой! Точно не дала ей устать!

Девочка заплела волосы в два пучка и перевязала их красными шнурками. Когда она кивала, шнурки тоже покачивались, и выглядела она очень живой. Лю Гуюй счёл её такой милой, что не удержался и пару раз погладил Баньбань по голове, словно уговаривая ребёнка:

— Тогда ты правда большая молодец!

Цинь Баньбань не услышала в этом шутливого подтекста и решила, что её действительно хвалят. Она довольно расправила грудь и снова с силой кивнула.

Цуй Ланьфан рассмеялась и позвала:

— Идите в дом есть. Еда уже давно готова, всё в котле тёплым держала!

Вся семья вошла на кухню, поужинала, греясь у огня. После еды Лю Гуюй таинственно ушёл в комнату и вскоре вынес деревянную шкатулку с замком.

— Сегодняшнее занятие после ужина - считать деньги!

Сказав это, Лю Гуюй открыл деревянную шкатулку и высыпал оттуда все медные монеты и мелкое серебро.

Они с Цинь Жунши торговали на Восточном рынке уже почти три месяца. Когда дело стало стабильным, в дни большого рынка удавалось заработать больше пятисот вэней, в малые - больше трёхсот. За месяц выходило по три-четыре лян серебра, и даже если вычесть месячные расходы и вложения в торговлю, за три месяца всё равно можно было скопить около десяти лян.

Позже, когда денег стало понемногу больше, Лю Гуюй ходил в меняльную контору и обменял медяки на мелкое серебро. Теперь в денежной шкатулке лежало немало серебряных слитков разного размера.

В маленьком деревянном ящике было двадцать лян серебра - всё, что они накопили за эти месяцы.

Лю Гуюй сказал:

— Теперь деньги на лекарства для матушки есть, деньги на учёбу эрлана в будущем году тоже есть! И ещё немало останется. Если продолжим вести торговлю, может, уже в следующем году заживём хорошей жизнью: каждый день мясо есть, каждый сезон новую одежду покупать!

Дойдя до этого, Лю Гуюй уже начал мечтать о будущем, и взгляд его стал рассеянным.

— Когда заработаю денег, ещё отремонтируем наш двор и расширим его. Баньбань уже большая девушка, ей нужна своя комната. Потом заменим всю солому на крыше синей черепицей и ещё стену вокруг поставим.

Дом семьи Цинь был крыт соломой, постройка уже старая, и даже от холода защищала плохо. Лю Гуюй ещё раньше хотел заменить крышу черепицей, но, расспросив, узнал, что синяя черепица стоит недёшево. Пришлось отступить на шаг: он просто полностью заменил старую солому на крыше. Теперь там была свежая трава, уложенная очень толстым слоем, а окна заклеили промасленной бумагой от ветра. Так зиму кое-как пережить можно.

...Как ни крути, всё равно денег пока недостаточно.

Лю Гуюй мысленно вздохнул. Ему казалось, что этого всё ещё мало, но Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань уже потрясённо раскрыли глаза. Особенно Баньбань: глаза девочки были как у живой лани, круглые, яркие, влажно-блестящие и необыкновенно выразительные.

Цуй Ланьфан изумлённо сказала:

— Двадцать лян? Небеса, вы столько накопили?!

Надо понимать: в деревне большинство семей за целый год если могли отложить четыре-пять лян, уже считалось неплохо. А они накопили целых двадцать!

Цинь Баньбань тоже сияющими глазами спросила:

— У меня тоже будет своя комната?

Девочке уже тринадцать, а она всё ещё жила в одной комнате с матерью.

Лю Гуюй похлопал её по руке и торжественно пообещал:

— Обязательно будет! Тогда ещё закажем тебе шкаф для одежды и туалетный столик, чтобы складывать красивые платья и цветы для волос.

Девочка радостно вскрикнула и взволнованно обняла Лю Гуюя, потёрлась маленьким личиком о него.

— Ура! Брат Лю самый лучший!

Цинь Жунши ничего не говорил, но глаза у него слегка светились, словно две яркие звезды. Очевидно, он тоже был взволнован. С детства он учился грамоте: сначала у старого Лю-сюая. Старый сюай часто хвалил его за прилежание, говорил, что он рождён идти путём государственных экзаменов, что он прирождённый росток для учёбы и в будущем непременно продвинется дальше самого старого учителя. Жаль, позже в семье случились несчастья: старшего брата силой забрали в солдаты, отец погиб по причине несчастья, и Цинь Жунши пришлось оставить учёбу и вернуться домой.

Он думал, что в этой жизни ему уже не суждено сдавать экзамены, но неожиданно у него снова появился шанс войти в академию. Подумав об этом, Цинь Жунши поднял голову и посмотрел на Лю Гуюя. Тот как раз прижимался к сестрёнке, и оба смеялись так, что глаза изгибались дугами.

Цуй Ланьфан была очень рада и наконец осторожно спросила:

— Тогда... тогда я весной куплю цыплят и буду их растить? Куры смогут нести яйца, а когда вырастут, их ещё и есть можно... Гуюй, как думаешь, выйдет?

Лю Гуюй ответил:

— Выйдет! Конечно, выйдет! А яйца, которые будут нести, оставим себе есть!□□

— Хорошо-хорошо-хорошо!

Вся семья собралась вместе, обсуждая будущее, и у всех лица были радостные, улыбчивые.

Вся семья вместе провела предновогоднюю уборку, и двор с домом, внутри и снаружи, были вычищены до блеска. На какое-то время даже казалось, что весь дом стал светлее. Закончив «да яньчунь», сразу принялись делать вяленые заготовки - ни минуты свободной.

Цинь Жунши пошёл в горы рубить ветки кипариса, Цинь Баньбань отправилась вместе с ним, чтобы помочь. Лю Гуюй и Цуй Ланьфан хлопотали на кухне. Лю Гуюй ножом нарезал мясо длинными полосами, сложил его в большое плетёное сито, приготовил приправы и стал натирать ими мясо.

Цуй Ланьфан сидела у жаровни и набивала колбасы. В древности не было удобных приспособлений, и колбасу набивали полностью вручную. Работа была не столько тяжёлой, сколько хлопотной: сядешь - и сидишь полдня, так что шея начинала ныть.

Фарш для колбасы тоже приправил Лю Гуй: мелко рубленую свинину смешали с белой частью зелёного лука, солью, соусом из ферментированных бобов, имбирём, перцовым порошком и молотым чили. Как только вкус был вымешан, можно было набивать.

В это время Цинь Жунши с сестрой уже вернулись, волоча за собой ветки кипариса. Проходя мимо ворот семьи Ло, Баньбань даже остановилась и крикнула снаружи:

— Брат Цинчжу! Ты дома?

Во дворе семьи Ло росло помело, плодов было так много, что ветви сгибались под их тяжестью. Даже через изгородь было видно, как две большие собаки лежат под деревом вместе со щенками. Баньбань теперь стала куда более открытой и с другими говорила громче. Она уверенно зашла во двор и попросила у Ло Цинчжу несколько помело, сказав, что хочет забрать их домой для копчения вяленого мяса.

Мясо, прокопчённое на кипарисовых ветках с кожурой помело, получалось самым ароматным. В деревне из года в год именно так и коптили вяленое мясо.

Ло Цинчжу сорвал несколько плодов, но, увидев, что у них в руках были кипарисовые ветки и нести помело им просто нечем, сам помог отнести всё к ним домой. Поблагодарив его и проводив, Цинь Жунши, держа в руках несколько больших жёлтых помело, развернулся и вошёл во двор.

Цинь Баньбань, едва попав во двор, бросила на землю ветки, которые тащила, и, словно бабочка, влетела на кухню, громко позвав:

— Матушка! Брат Лю! Мы вернулись!

Она забежала внутрь, по очереди прижалась к каждому, потом притащила маленькую скамеечку, села рядом с Цуй Ланьфан и стала помогать набивать колбасы.

Цинь Жунши положил помело, затем аккуратно убрал лежавшие на земле кипарисовые ветки, после чего обошёл дом к заднему дворику у склона и начал складывать коптильную яму. Коптильню собирали из камней и дерева. Цинь Жунши провозился довольно долго; пока закончил, на ладонях уже натёрлись кровавые мозоли. В конце он установил сверху две длинные бамбуковые жерди, чтобы вешать на них вяленые заготовки.

Когда он закончил, вымыл руки и вернулся на кухню, колбасы тоже были уже набиты. Лю Гуй как раз ножницами перерезал последний отрезок соломенной верёвки, которой перевязывали колбасу.

Мясные колбасы были готовы и лежали в плетёном сите круг за кругом, заполняя его до краёв. Вяленое мясо и рёбра тоже уже замариновали и сложили в большой таз. Весь дом был

наполнен мясным ароматом. На этот раз Лю Гуюй и правда не пожалел денег: купил тридцать цзиней свинины. Половина пошла на вяленое мясо, половина - на колбасы. Ещё он выбрал три полосы рёбер: копчёные рёбра тоже были замечательны на вкус.□□

Цинь Жунши заложил руки за спину и сказал:

— Коптильня готова, можно коптить.

Вся семья радостно вынесла плетёное сито и большой таз, а затем по очереди развесила замаринованные полосы мяса, рёбра и колбасы. Когда всё было развешано, Цинь Баньбань присела у коптильни и развела огонь, палкой переворачивая кожуру помело. Она смотрела, как с мяса по капле стекает блестящий жир.

— ...Как же вкусно пахнет.

Мясо только-только начали коптить, но Баньбань будто уже чувствовала готовый аромат.

Кипарисовые ветки потрескивали в огне, отблески пламени ложились на улыбающееся лицо Цуй Ланьфан. Она тоже сказала:

— Да, дома уже два-три года не делали вяленых заготовок. И правда успела соскучиться.

«Не смейся над мутным вином крестьянского дома; в урожайный год гостя ждёт вдоволь кур и свинины». Крестьянское вяленое мясо - это вкус, которого снаружи не отведаешь. Каждый год перед Новым годом деревенские делали вяленые заготовки и словно соревновались между собой: у кого сделано больше, тот в этом году и заработал больше. А значит, в следующем году будут хорошие дни!

Но, посмеявшись, Цуй Ланьфан снова заговорила о деле. Она посмотрела на Лю Гуюя и спросила:

— Эти два дня мы всё возимся с домашними делами, а завтра уже рыночный день, надо выставлять лоток. Мы ведь ещё ничего не подготовили!

Лю Гуюй, подражая Цинь Баньбань, тоже сидел на корточках у огня. Он подобрал ветку и тыкал ею в костёр, как раз раздумывая, не закопать ли туда пару бататов, чтобы испечь.

Услышав слова Цуй Ланьфан, он поднял голову, посмотрел на неё и с улыбкой ответил:

— Я завтра не собирался выставлять лоток. Завтра предновогодний рынок. Новый год уже близко, так что завтра мы все пойдём гулять!

<http://bllate.org/book/17177/1662994>